

© Лукашов А.И. (2015)
© Саркисова Э.А. (2015)

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФАКТИЧЕСКИХ (ТЕНЕВЫХ) РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ

А.И.Лукашов,
кандидат юридических наук, доцент,

Э.А.Саркисова,
кандидат юридических наук,
профессор, заслуженный юрист
Республики Беларусь,

Введение

В литературе в последнее десятилетие достаточно активно стал обсуждаться вопрос о квалификации по статьям Особенной части Уголовного кодекса со специальным субъектом действий фактических (теневых) руководителей организаций, не являющихся специальными субъектами преступлений, но совершающих незаконные действия от имени и в пользу юридических лиц, подпадающие под признаки того или иного преступления со специальным субъектом. Это касается, в частности, преступлений, совершаемых от лица и (или) в интересах юридического лица (организации), для которого характерна достаточно сложная система управления и представления его интересов в отношениях как с другими юридическими лицами, так и с государственными органами, регламентированная нормами трудового и гражданского, корпоративного права, не всегда должным образом согласованными между собой. Опираясь на эти нормы, российские криминалисты обосновывают необходимость привлечения к уголовной ответственности не только руководителя юридического лица (теория руководителя), но и любого работника юридического лица (теория работника), а также любого уполномоченного представителя юридического лица при условии, что он действовал в рамках своей компетенции (полномочий) и имел право на выполнение юридически значимых действий от лица и (или) в интересах организации (теория функциональной связи) [1, с. 293 и след.; 2, с. 81 и след.; 3, с. 252 и след.].

Белорусские исследователи также обращают внимание на проблему квалификации по статьям Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее - УК Республики Беларусь) со специальным субъектом действий фактических (теневых) руководителей организаций, не являющихся специальными субъектами преступлений.

Не урегулированная непосредственно в уголовном законе эта проблема приобрела особую актуальность в сфере правоприменения, в особенности при квалификации преступлений против порядка осуществления

экономической деятельности. Данная статья посвящена содержанию этой проблемы и возможным путям ее решения.

1. Законодательное регулирование уголовной ответственности за совершение преступлений со специальным субъектом

В теории и судебной практике под специальным субъектом преступления принято понимать физическое лицо, которое наряду с общими признаками субъекта преступления (физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности) должно обладать обязательными дополнительными признаками (пол, гражданство, профессия, специальный правовой статус и др.), позволяющими ему совершить в качестве исполнителя преступление со специальным субъектом, а органу уголовного преследования и суду - квалифицировать его действия как исполнителя преступления со специальным субъектом. Соответственно составом преступления со специальным субъектом признается система объективных и субъективных признаков, необходимых и достаточных для признания конкретного деяния преступлением данного вида, в число которых в качестве обязательных включены один или несколько указанных признаков специального субъекта. К числу таких составов преступлений со специальным составом могут быть отнесены, в частности, незаконный выпуск (эмиссия) ценных бумаг (статья 226 УК Республики Беларусь), уклонение от уплаты таможенных платежей (статья 231 УК Республики Беларусь), различные виды криминальных банкротств (статьи 238 - 241 УК Республики Беларусь), уклонение от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК Республики Беларусь).

Общее правило уголовной ответственности за совершение указанных преступлений сводится к следующему: если состав того или иного преступления сформулирован как состав преступления со специальным субъектом, то уголовной ответственности за совершение такого преступления в качестве его исполнителя подлежит только лицо, обладающее признаками специального субъекта.

Однако как быть в случае, если действия, предусмотренные составом преступления со специальным субъектом, совершает лицо, не обладающее признаками специального субъекта? Возможна ли уголовная ответственность так называемого посредственного исполнителя преступления, т.е. лица, фактически выполнившего действия, признаваемые преступлением, хотя уголовный закон не признает его исполнителем преступления?

Актуализация указанных вопросов, связанных с понятием посредственного исполнения преступления со специальным субъектом, обусловлена потребностями практики юридической оценки действий лица, не обладающего признаками специального субъекта преступления и использовавшего других лиц, наделенных такими признаками, для совершения преступления со специальным субъектом.

К сожалению, вопросы уголовной ответственности посредственного исполнителя преступления решены в уголовном законе (часть 3 статьи 16 УК Республики Беларусь, статьи 33, 34 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК Российской Федерации)) только применительно к преступлениям с общим субъектом. Не находя ответы на эти вопросы в уголовном законе, некоторые органы уголовного преследования и суды пытаются решать их с позиции аналогии закона, применяя соответствующие нормы института посредственного исполнения преступления с общим субъектом, хотя, как это предписано законодателем, применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь). Спустя полгода после принятия УК Республики Беларусь этот запрет был подтвержден в части 3 статьи 72 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 N 361-3 "О нормативных правовых актах Республики Беларусь" (далее - Закон N 361-3) и распространен на административную ответственность: "Применение институтов аналогии закона и аналогии права запрещается в случаях привлечения к уголовной или административной ответственности". В 2008 году запрет на применение аналогии был распространен на все виды юридической ответственности и все отрасли законодательства: "Применение институтов аналогии закона и аналогии права запрещается в случае привлечения к ответственности, ограничения прав и установления обязанностей" (см. пункт 31 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 15.07.2008 N 410-3 "О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам нормотворческой деятельности").

2. Уголовная ответственность фактического руководителя: за и против

Названные выше российские авторы, предлагая, по сути, расширение круга специальных субъектов применительно к тому или иному виду преступления, совершаемому от лица и (или) в интересах организации, считают возможным в ряде случаев использование института посредственного исполнения преступления для уголовно-правовой оценки действий лица, не обладающего признаками специального субъекта преступления и использовавшего других лиц, наделенных такими признаками, для совершения преступления со специальным субъектом. В частности, по мнению Г.А.Есакова, при наличии в юридическом лице теневого руководителя и свадебного генерала, т.е. соответственно лица, фактически осуществляющего стратегическое и оперативное руководство данным юридическим лицом, и лица, номинально отвечающего признакам специального субъекта преступления, предусмотренным в законе, уголовная ответственность возможна в рамках следующих двух вариантов: а) невиновно действующий свадебный генерал не подлежит уголовной ответственности, а теневой руководитель подлежит уголовной ответственности как посредственный исполнитель в силу части 2 статьи 33 УК Российской Федерации (схожа с частью 3 статьи 16 УК Республики

Беларусь); б) при наличии же в действиях свадебного генерала всех признаков состава преступления он подлежит уголовной ответственности как исполнитель преступления, а теневой руководитель - в силу правила, закрепленного в части 4 статьи 34 УК Российской Федерации (подобная норма в статье 16 УК Республики Беларусь отсутствует), как организатор, подстрекатель или пособник. Но, поскольку указанное предложение в настоящее время не имеет законодательной основы, автором предлагается скорректировать часть 2 статьи 33 УК Российской Федерации, дополнив ее положением, согласно которому лицо будет признаваться исполнителем преступления "независимо от того, может ли это лицо подлежать уголовной ответственности в случае непосредственного совершения такого преступления либо непосредственного участия в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями)" [3, с. 283].

Возможность использования института посредственного исполнения в подобных случаях нашла поддержку и среди белорусских исследователей.

Так, в белорусской литературе появились не подкрепленные какой-либо аргументацией предложения признавать субъектом преступления со специальным субъектом лиц, не обладающих признаками специального субъекта (например, рекомендации привлекать к уголовной ответственности за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов теневых, фактических руководителей организации [4, с. 48 - 49; 5, абзац 35]). Несмотря на аргументированную критику [6, абзац 180], у этой позиции есть сторонники и в среде практикующих юристов, которые пытаются найти ей научное обоснование.

Так, по мнению заместителя начальника управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь М.Е.Денисюка, "поскольку опосредованный исполнитель в структуре состава преступления занимает место лица, непосредственно совершившего деяние и фактически используемого как орудие (ведомое лицо), его следует наделять всеми признаками ведомого лица, в том числе специальными, определяющими его как специального субъекта" [7, с. 83]. При этом, по его мнению, часть 3 статьи 16 УК Республики Беларусь не ограничивает опосредованное исполнение только общим субъектом, на основе этого утверждения он делает вывод об отсутствии правовых препятствий для привлечения к уголовной ответственности лиц, опосредованно совершивших преступление со специальным субъектом. Указанный вывод автор подкрепляет ссылками на складывающуюся (но, заметим, не основанную на законе) следственную и судебную практику. Вместе с тем им предлагается все же скорректировать часть 3 статьи 16 УК Республики Беларусь, дополнив ее словами "в том числе посредством использования лиц, наделенных специальными признаками, предусмотренными статьей Особенной части настоящего Кодекса" [7, с. 85]. Сам факт такого *de lege ferenda* (предложение законодателю) - свидетельство признания его автором отсутствия в настоящее время в рамках действующего УК Республики Беларусь правовых оснований для применения института посредственного исполнения к случаям

совершения деяний, охватываемых признаками преступлений со специальным субъектом.

К сожалению, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в части первой пункта 7 постановления от 26.03.2015 N 1 "О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК)" указал: "Лицо, фактически осуществлявшее руководство организацией-плательщиком, может признаваться исполнителем преступления, предусмотренного статьей 243 УК, при условии, что уполномоченное лицо данной организации, в обязанности которого входило подписание документов налогового учета и (или) отчетности, не было осведомлено о своем участии в уклонении от уплаты сумм налогов, сборов". Иными словами, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь посчитал возможным применять положения части 3 статьи 16 УК Республики Беларусь к ситуациям, которые не регулируются в настоящее время указанной статьей УК Республики Беларусь, посчитал возможным пренебречь указанным выше запретом на применение уголовного закона по аналогии.

Давая такое разъяснение, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, по сути, принял на себя функции законодателя, нарушил принцип разделения властей, закрепленный в статье 6 Конституции Республики Беларусь, поставил под сомнение принцип верховенства права, нашедший отражение в статье 7 Основного Закона Республики Беларусь. Конституционный Суд Республики Беларусь однажды уже указывал Верховному Суду Республики Беларусь на недопустимость такого судебного толкования (см. решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 12.11.2002 N P-151/2002 "Об определении понятия "доход" для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности"), однако данное обстоятельство почему-то не было учтено Верховным Судом Республики Беларусь.

Не останавливаясь на приведенных доводах М.Е.Денисюка в пользу его позиции, которые нам не представляются убедительными и которые были подвергнуты критике [8], отметим, что данное и подобные предложения по решению вопросов квалификации действий лица, использующего специального субъекта в качестве орудия преступления, вытекают из неправильного по сути или неточного понимания института посредственного исполнения преступления как универсального понятия Общей части уголовного права, применимого, на наш взгляд, только к случаям общего, а не специального субъекта преступления.

Институт посредственного исполнения преступления впервые нашел законодательную регламентацию в УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь, принятых соответственно в 1996 и 1999 годах. Согласно части 2 статьи 33 УК Российской Федерации исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление

посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК Российской Федерации. В соответствии с частью 3 статьи 16 УК Республики Беларусь исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление, либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами, либо совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности.

Из приведенных норм УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь следует, что исполнение преступления может быть как непосредственным, т.е. когда объективная сторона преступления выполняется самим лицом, так и посредственным. При этом под посредственным исполнением понимается умышленное использование лицом для фактического совершения преступления другого лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу недостижения установленного возраста или невменяемости либо совершившего преступление по неосторожности (по УК Республики Беларусь), совершившего преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК Российской Федерации (по УК Российской Федерации).

Отметим сразу, что, несмотря на то что понятие исполнителя как вида соучастника раскрывается в статье, посвященной соучастию в преступлении, посредственное исполнение исключает соучастие в силу использования лицом для совершения соответствующего преступления ненадлежащего субъекта. Институт посредственного исполнения является самостоятельным институтом уголовного права, не входящим в институт соучастия, на что справедливо указывают специалисты [9, с. 156]. Хотя институт посредственного исполнения и регламентирован в статьях УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь, посвященных соучастию, его размещение в них предназначено для отграничения соучастия в преступлении от случаев, когда к совершению преступления хотя и причастны несколько лиц, однако ни одно из тех, кто фактически выполняет объективную сторону преступления, не обладает признаками субъекта этого преступления или других обстоятельств, предусмотренных и УК Российской Федерации, и УК Республики Беларусь, либо не подлежит уголовной ответственности ввиду отсутствия умысла на его совершение (действует по неосторожности). Фактически в этом случае преступление совершается опосредованно руками лиц, непосредственно выполняющих объективную сторону преступления.

Между тем в литературе не всегда это необходимое свойство посредственного исполнения, отграничивающего его от соучастия, толкуется правильно. Например, по мнению российских исследователей Р.Осокина и А.Курсаева, посредственное исполнение теоретически возможно в двух

случаях: 1) фактического посредственного причинения, когда общественно опасное деяние совершают лица с пороком воли (малолетние, невменяемые, действующие в состоянии заблуждения, физического или психического принуждения); 2) юридического посредственного причинения, когда общественно опасное деяние совершается лицом, не отвечающим признакам специального субъекта. В подтверждение возможности посредственного исполнения второго вида авторы приводят выдержки из пункта 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 N 6 "О судебной практике по делам о контрабанде" и пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2000 N 6 "О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе", касающиеся квалификации действий лица, осуществлявшего перемещение товаров через таможенную границу через подставное лицо, а также должностного лица, предложившего своему подчиненному работнику дать взятку должностному лицу¹ [10, с. 65 - 66]. Однако в обоих указанных случаях Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагал квалифицировать действия лиц как соучастников, что, несомненно, никак не связано с посредственным исполнением преступления. Позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу сохранена и в ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" (см. пункты 15 и 19) [11].

Отметим также явную противоречивость приведенной позиции авторов, сформулировавших в другом месте этой статьи категорическое утверждение о том, что посредственное исполнение невозможно в преступлениях со специальным субъектом, при которых специфика общественно опасного деяния не позволяет переложить его совершение на других лиц [10, с. 65].

В литературе для подтверждения вывода о возможности посредственного исполнения преступления со специальным субъектом приводятся и другие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Так, например, делается ссылка на пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2006 N 64 "О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления" (далее - постановление Пленума N 64), согласно которому к субъектам преступления, предусмотренного статьей 199 УК Российской Федерации, могут быть отнесены не только руководитель организации-налогоплательщика, главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера), в обязанности которых входит подписание отчетной документации, представляемой в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов, а

¹ Оба указанных постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации ныне утратили силу (*примеч. авт.*).

равно иные лица, если они были специально уполномочены органом управления организации на совершение таких действий, но и лица, фактически выполнявшие обязанности руководителя или главного бухгалтера (бухгалтера) [12]. Однако в этом разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации речь идет не об опосредованном исполнителе преступления, а о лицах, которых следует относить к специальному субъекту этого преступления. В аналогичном контексте приводятся и другие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в которых также ведется речь о перечне лиц, подпадающих под понятие специального субъекта.

Заметим в связи с этим, что в отличие от белорусского подхода (постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь являются нормативными правовыми актами, которые не должны противоречить нормативным правовым актам большей юридической силы (законодательным актам), см. часть 11 статьи 2 Закона N 361-З) российское законодательство не придает постановлениям верховного судебного органа Российской Федерации статуса нормативного правового акта. Они являются разъяснениями судам по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (см. подпункт 1 пункта 7 статьи 2, пункт 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 N 3-ФКЗ "О Верховном Суде Российской Федерации", пункт 4 статьи 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации") и носят рекомендательный характер. К тому же рекомендация Пленума Верховного Суда Российской Федерации признавать специальным субъектом преступления лицо, не обладающее признаками специального субъекта преступления, фактически выполнившего действия, которые вправе было совершить только уполномоченное лицо (специальный субъект), едва ли является строгим толкованием уголовного закона и к тому же размывает приведенные выше основы уголовного права в части уголовной ответственности специального субъекта преступления. Подобные подходы не нашли поддержки у белорусских и украинских специалистов, занимающихся проблемами уголовной ответственности за экономические преступления [13, с. 15 - 19; 14, с. 402 - 461, 639].

В подтверждение указанного сошлемся на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.06.2011 N 852-0-0, принятое в связи с жалобой Лясниковой Г.О., оспаривавшей конституционность части 1 статьи 199 УК Российской Федерации, которая, по ее мнению, не соответствует статьям 18, 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку не содержит определения субъекта этого преступления и тем самым допускает возможность произвольного привлечения к уголовной ответственности.

Отказав в рассмотрении указанной жалобы, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что к субъектам преступления, предусмотренного статьей 199 "Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов

с организации" УК Российской Федерации, могут быть отнесены руководитель организации-налогоплательщика, главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера), в обязанности которых входит подписание отчетной документации, представляемой в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов, а равно иные лица, если они были специально уполномочены органом управления организации на совершение таких действий. Иными словами, Конституционный Суд Российской Федерации частично воспроизвел в своем решении пункт 7 постановления Пленума N 64 и указал источник такого заимствования. Остальная часть пункта 7 постановления Пленума N 64, допускающая в качестве субъекта этого преступления и лиц, фактически выполнявших обязанности руководителя или главного бухгалтера (бухгалтера), т.е. лиц, не обладающих признаками специального субъекта указанного преступления, не была воспроизведена Конституционным Судом Российской Федерации [15], что, полагаем, было сделано осознанно ввиду спорности такой рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не основанной на уголовном законе.

3. Законодательство о посредственном исполнении и его оценка в науке уголовного права

Непонимание (искажение) смысла посредственного исполнения имеет место и в белорусских источниках. Так, по мнению белорусского исследователя А.М.Браусова, субъектом преступления, предусмотренного статьей 398 "Производство заведомо незаконного обыска" УК Республики Беларусь, может являться прокурор как в случае, когда он лично совершает данное следственное действие, так и при опосредованном исполнении (например, при даче прокурором императивных указаний по проведению данного следственного действия) [16, абзац 22]. Данное утверждение вытекает, как представляется, из неверного понимания уголовно-процессуального закона. Вывод о прокуроре - опосредованном исполнителе не в полной мере сопрягается с предписаниями пункта 6 части 5 статьи 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее - УПК Республики Беларусь), согласно которым письменные указания прокурора о производстве следственных действий, к числу которых относится и обыск, являются обязательными для исполнения нижестоящим прокурором, органом дознания и лицом, производящим дознание. Поскольку такое предписание является обязательным, то, выполняя его, названные лица должны представить прокурору для санкционирования соответствующее постановление о производстве обыска, эта процедура завершится дачей прокурором санкции на производство обыска.

Отдавая такое указание, прокурор замыкает на себе решение вопроса о проведении обыска. Последнее слово в этой процедуре остается за ним. И решение вопроса о том, быть или не быть обыску, остается за прокурором, а

не за теми, кого он обязал принести ему постановление о производстве обыска.

В приведенной ситуации действия прокурора являются действиями специального субъекта преступления, то есть действиями исполнителя преступления.

В этом случае нет оснований говорить об опосредованном исполнении, поскольку согласно части 1 статьи 210 УПК Республики Беларусь постановление о проведении обыска должно быть санкционировано прокурором или его заместителем (согласно частям 2 и 3 статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обыск производится на основании постановления следователя, а обыск в жилище - на основании судебного решения). Дача санкции на проведение обыска - составная часть обыска. Участие прокурора в санкционировании обыска и есть непосредственное участие в преступлении в качестве исполнителя преступления, если дача санкции является заведомо для прокурора незаконной. Исключения составляют предусмотренные частями 1 и 3 статьи 210 УПК Республики Беларусь случаи проведения обыска, не требующие санкции прокурора, в которых прокурор не может выступать в качестве его исполнителя (обыск проводится по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности, либо в исключительных случаях, когда имеется реальное опасение, что разыскиваемый и подлежащий изъятию объект может быть из-за промедления с его обнаружением утрачен, поврежден или использован в преступных целях либо разыскиваемое лицо может скрыться).

Но вернемся к российским источникам, обращенным либо к специальному субъекту, либо к посредственному исполнителю преступления.

Как мы указывали в начале статьи, такие вопросы чаще всего возникают при квалификации действий, совершаемых от лица и (или) в интересах юридического лица (организации), при квалификации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности (экономических преступлений). На наш взгляд, даже в тех случаях, когда для уголовно-правовой оценки этих преступлений авторы обращаются к институту посредственного исполнения преступления, речь все же идет не о посредственном исполнении, а о расширении круга специальных субъектов. Например, И.В.Шишко предлагает расширительно толковать понятие специального субъекта по целому ряду экономических преступлений, ссылаясь на сложную структуру управления коммерческими организациями. По ее мнению, субъектом таковых может выступать не только руководитель, но и любое лицо, обеспечивающее управление юридическим лицом. Все зависит от возлагаемых на это лицо обязанностей [1, с. 293]. В контексте своих рассуждений автор предлагает главу 4 "Лица, подлежащие уголовной ответственности" УК Российской Федерации дополнить статьей 19.1 "Ответственность физического лица, представляющего юридическое лицо", в

которой закрепить положение о том, что если физическое лицо представляет интересы юридического лица, то оно несет ответственность за преступление и тогда, когда не обладает признаками специального субъекта, описанного в соответствующей статье Особенной части УК Российской Федерации. При этом целью такого нововведения автор считает исключение возможности ухода таких лиц от уголовной ответственности под предлогом того, что они не обладают признаками специального субъекта преступления, и предлагает признавать их таковыми, если они представляют интересы юридического лица и действуют от его имени.

В обоснование этого предложения, в котором предусмотрена ответственность лиц, действующих от имени юридического или физического лица, делаются ссылки на уголовное законодательство ФРГ, Латвии и Испании. Так, в абзаце (3) параграфа 14 Уголовного кодекса ФРГ предусмотрено, что лицо, действующее в качестве представителя юридического или физического лица либо по их поручению, несет ответственность и в тех случаях, "...когда правовое действие, которое должно обосновывать полномочие на представительство или отношение поручения, является недействительным" [17, с. 15]. Согласно статье 12 "Ответственность физического лица как представителя юридического лица" Уголовного кодекса Латвийской Республики ответственность за преступное деяние в деле юридического лица несет физическое лицо, совершившее это деяние как представитель данного юридического лица или по его поручению либо находясь на службе юридического лица, а также как соучастник такого физического лица [18, с. 55]. Статья 31 Уголовного кодекса Испании предписывает, что тот, кто действует как руководитель или от имени юридического лица либо от имени или как представитель другого лица (по закону или по воле данного лица), отвечает лично, даже если он подпадает под условия, свойства или отношения, наличие которых необходимо для субъектов преступления, если под них подпадает организация или лицо, от имени или как представитель которого данное лицо действует [19, с. 21]. Однако вполне очевидно, что во всех этих случаях речь идет не о посредственном исполнении преступления, а о представительстве субъекта хозяйствования или физического лица, как официальном, так и основанном на полномочии на представительство или отношении поручения, являющихся недействительными. Во всех этих случаях на законодательном уровне устанавливается правило, согласно которому названные субъекты включаются в число специальных субъектов преступления.

Отметим также, что известный российский ученый В.Г.Павлов, много работ посвятивший субъекту преступления, в том числе и специальному, обратил также внимание на то, что в судебной практике встречаются случаи, когда лицо, не наделенное дополнительными признаками по отношению к общему субъекту, в силу разных обстоятельств выполняет функции или обязанности специального субъекта, но при совершении преступления не может быть привлечено к уголовной ответственности в силу того, что оно является ненадлежащим субъектом. При этом автор отмечает, что среди

российских исследователей имеются те, кто считает, что в подобных случаях лицо не может нести ответственность по статьям о преступлениях со специальным субъектом, поскольку является ненадлежащим субъектом, хотя не исключается в отдельных случаях ответственность по другим статьям УК Российской Федерации как общего субъекта преступления [20, с. 97 - 98, 104; 21, с. 93]. Оценку же этого явления В.Г.Павлов не дал, считая, что эта проблема требует дальнейшего изучения, а также современного теоретического и практического осмысления в новых условиях борьбы с преступностью [22, с. 616; 23, с. 200].

Столь же осторожно поступил В.Б.Волженкин, анализируя ситуацию уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации (статья 199 УК Российской Федерации), совершаемого теневыми фактическими руководителями, вводящими в заблуждение официального руководителя организации или использующими состояние невменяемости, имеющееся у официального руководителя. Он лишь констатировал факт посредственного совершения указанного преступления, но не пошел дальше этого и не указал на то, что фактический руководитель должен нести уголовную ответственность за совершение указанного преступления в качестве его исполнителя [24, с. 515].

Сошлемся и на выполненное под научным руководством профессора Б.В.Волженкина диссертационное исследование, специально посвященное посредственному исполнению преступления. Его автор Н.В.Баранков сформулировал положение, вынесенное на защиту, непосредственно относящееся к рассматриваемому понятию, под которым предложил понимать умышленное совершение преступления посредством умышленного использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК Российской Федерации, а равно посредством использования лиц, совершивших общественно опасное деяние по неосторожности. В развитие этого положения им указывается на невозможность посредственного исполнения преступления со специальным субъектом: "если лицо не в состоянии непосредственно совершить какое-нибудь преступление, исходя из того что оно не наделено определенной социальной ролью или правовым положением, то оно не может явиться и посредственным исполнителем такого преступления, поскольку природа социальной роли и правового статуса является персональной (невозможно нарушить обязанности, не выполнить долг, не имея их)" [25, с. 6, 19].

4. Концептуальный подход к уголовно-правовой оценке действий посредственного исполнителя преступления

Анализ источников, в которых обсуждается проблема использования института посредственного исполнения преступления со специальным субъектом, можно продолжить. Но главным, что видится в них, является неоднозначность понимания посредственного исполнения. На наш взгляд,

при использовании общим субъектом в качестве орудия задуманного им преступления специального субъекта не происходит никакой (ни полной, ни частичной) замены одного субъекта (общего) на другой (специальный). Общий субъект не приобретает статус специального субъекта. Каждый из них должен нести самостоятельную ответственность за содеянное ими. Статус злоумышленника, использующего неправомерные действия надлежащего субъекта или субъекта, действующего по неосторожности, не может и не должен трансформироваться в статус специального субъекта. Нормы, содержащиеся в уголовном законе и имеющие общий характер, должны быть универсальными и применяться ко всем видам преступлений. Предложения же авторов о посредственном исполнении применительно к экономическим преступлениям со специальным субъектом ломают универсальность норм части 3 статьи 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее - УК Республики Беларусь) и, по сути, искажают концепцию данного института, в основе которой лежит правило: лицо, не обладающее признаками специального субъекта, при совершении преступлений, которые требуют наличия таковых, никогда не может выступать посредственным исполнителем [4, с. 160 - 161].

При таком вольном толковании понятия "специальный субъект преступления" это понятие и все наработанное в течение не одного десятка лет наукой уголовного права и судебной практикой в сфере уголовной ответственности специального субъекта нужно перечеркнуть жирной чертой и забыть, коль скоро любое лицо, которое сможет изловчиться и совершить то, что может совершить только специальный субъект, будет подлежать уголовной ответственности за преступление со специальным субъектом. Если строго придерживаться такого подхода, то нужно коренным образом преобразовать едва ли не все статьи Особенной части УК Республики Беларусь, исключив из них за ненадобностью указание на специальный субъект преступления.

Приведем пример. Водитель служебной автомашины, закрепленной за директором предприятия, подвозя его домой после банкета, обманным путем получил подпись директора на документах, согласно которым из фонда предприятия водителю выделялись безвозмездно средства для строительства его коттеджа, а затем, использовав этот документ, получил эти средства. Если следовать позиции, что в данном случае имеет место посредственное исполнение преступления, а общий субъект приобрел признаки специального субъекта, то действия водителя следует квалифицировать как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Но такая квалификация выглядела бы нонсенсом, поскольку двумя лицами, действующими не в соучастии, совершены два самостоятельных преступления, причинившие вред различным объектам. И каждый из названных субъектов должен отвечать по закону в соответствии со своим правовым статусом. Директор может быть привлечен к уголовной ответственности за служебную халатность (статья 428 УК Республики Беларусь), а водитель - за мошенничество (статья 209 УК Республики Беларусь).

Другой пример. Лицу известно, что его близкий родственник является обвиняемым по уголовному делу об изнасиловании. Преследуя цель непривлечения его к уголовной ответственности за это преступление, лицо направляет следователю посылкой флеш-диск с видеозаписью изнасилования женщины, видеозапись не фальсифицирована, отображает реальный факт изнасилования, на ней отчетливо различается изображение мужчины, не являющегося его близким родственником, не видно лицо потерпевшей, а данные таймера совпадают с имеющимися в деле доказательствами о времени совершения изнасилования, вмененного в вину близкому родственнику. В письме, вложенном в посылку, лицо подробно описывает, где, когда и при каких обстоятельствах совершено преступление и сделана указанная видеозапись, указывает данные лица, совершающего преступление, а в качестве потерпевшей называет женщину, которую изнасиловал его близкий родственник. Очевидно, что имеет место фальсификация доказательств по уголовному делу. Следователь, не проверивший эту информацию, приобщает видеозапись к уголовному делу, привлекает по уголовному делу в качестве обвиняемого лицо, изображенное на видеозаписи, и прекращает уголовное преследование по этому делу в отношении близкого родственника.

Подобная фальсификация повлекла тяжкие последствия - привлечение невиновного к уголовной ответственности, что предусмотрено частью 3 статьи 395 УК Республики Беларусь. Это преступление может быть совершено только умышленно, его субъект специальный - уполномоченное должностное лицо органа уголовного преследования, судья или защитник. У следователя умысел на совершение указанных действий отсутствовал. Уголовная ответственность частного лица за фальсификацию доказательств (в данном случае путем представления данных, якобы имеющих отношение к делу) не предусмотрена.

Если следовать предложениям авторов, ратующих за распространение уголовной ответственности посредственных исполнителей и на преступления со специальным субъектом, то лицо, представившее указанную видеозапись изнасилования, подлежит уголовной ответственности по части 3 статьи 395 УК Республики Беларусь за фальсификацию доказательств по уголовному делу как его исполнитель. Между тем законодатель криминализировал фальсификацию доказательств только для случаев совершения ее лицами, наделенными властными полномочиями по уголовному делу, находящемуся в их производстве, и лицом, представляющим интересы обвиняемого (защитником). Иные лица, совершающие такие действия, либо не подлежат уголовной ответственности, либо могут нести уголовную ответственность за заведомо ложный донос (статья 400 УК Республики Беларусь), как это имеет место в рассматриваемом случае, или за заведомо ложное показание (статья 401 УК Республики Беларусь).

Еще один пример. Жена обманным путем получила подпись мужа на договоре купли-продажи подвергнутого аресту имущества, которое было передано на ответственное хранение мужу, и передала его покупателю.

Незаконное отчуждение имущества, подвергнутого аресту, предусмотрено статьей 409 УК Республики Беларусь. Субъект этого преступления специальный (лицо, которому арестованное имущество вверено). Муж, совершивший отчуждение указанного имущества (оспоримую сделку, которая может быть признана недействительной только судом по иску любого заинтересованного лица в порядке статьи 180 Гражданского кодекса Республики Беларусь), обладавший признаками специального субъекта преступления и действовавший не умышленно, не подлежит уголовной ответственности по статье 409 УК Республики Беларусь. Посредственный исполнитель этих действий - жена, не являющаяся специальным субъектом, не подлежит уголовной ответственности по статье 409 УК Республики Беларусь, но может быть привлечена к уголовной ответственности по статье 380 УК Республики Беларусь за подделку официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей.

Законодатель, формулируя состав преступления со специальным субъектом, ограничивает их круг только теми, кто в силу определенных признаков, которыми они обладают, могут причинить существенный вред отношениям, поставленным под охрану уголовного закона, только в случае посягательства на них со стороны лиц, являющихся субъектами этих отношений. Не случайно общепризнанным в теории уголовного права признается положение о том, что формулирование в Особенной части Уголовного кодекса составов преступлений со специальным субъектом обусловлено особенностями объекта этих преступлений [26, с. 189; 27, с. 163]. Некоторые исследователи в целях отнесения особенностей объекта таких преступлений именуют их специальными отношениями, подчеркивая, что специальный субъект может быть только в системе специальных отношений [28, с. 150; 29, с. 478]. Будучи включены в систему этих отношений в качестве их субъектов, только лица, обладающие признаками специального субъекта преступления, и в состоянии причинить существенный вред этим отношениям, они посягают на них изнутри этих отношений как специальные субъекты. Внешнее посягательство на эти объекты, причиняющее им существенный вред, со стороны лиц, не включенных в систему этих отношений, не являющихся субъектами этих отношений, признается преступлением лишь в случаях, если в уголовном законе оно предусмотрено для общего субъекта.

Следует учитывать и то, что специальный субъект предусматривается именно для тех преступлений, которые не могут быть совершены общим субъектом и общественная опасность которых (притом нередко повышенная) определяется прежде всего тем, что они совершаются лицами, именно в силу своего статуса способными причинить вред специфическим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

К сожалению, должностное лицо, получающее взятку, причиняет существенный вред интересам службы, находясь внутри этих отношений в качестве их субъекта. Поэтому для него установлена уголовная ответственность как для специального субъекта (статья 430 УК Республики

Беларусь). Частное лицо, дающее взятку, посягает на те же отношения, но посягает извне, а не изнутри, не будучи их субъектом. Величина общественной опасности таких действий частного лица, причиняющих существенный вред интересам службы, такова, что законодатель устанавливает за их совершение уголовную ответственность общего субъекта (статья 431 УК Республики Беларусь), а также предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности взяткодателя в случае его добровольного заявления о даче взятки либо вымогательства таковой должностным лицом.

К сожалению, законодатель, как представляется, не всегда поступает удачно при формулировании тех или иных составов преступлений со специальным субъектом. В частности, возвращаясь к примеру с действиями с арестованным имуществом, следует указать, что в статье 409 УК Республики Беларусь правильнее было бы не устанавливать уголовную ответственность для указанного выше специального субъекта. Такую ответственность должен нести общий субъект, которому заведомо известно, что на то или иное имущество, которым он распоряжается по своему усмотрению (портит, расходует, скрывает либо отчуждает), наложен арест или оно подвергнуто описи. Величина общественной опасности такого посягательства на интересы правосудия едва ли может существенно отличаться в зависимости от того, совершило ли его лицо, которому передано арестованное (подвергнутое описи) имущество и тем самым включенное в сферу специальных отношений по обеспечению сохранности этого имущества, или же любое другое лицо, которому заведомо известно, что имущество арестовано (подвергнуто описи) и с ним недопустимо совершать вышеуказанные действия.

5. Законодательная практика решения проблемы уголовной ответственности фактических руководителей организаций

Вместе с тем когда практика применения уголовного закона сталкивается с примерами общественно опасных действий кукловодов, посягающих на общественные отношения, не будучи их субъектами, и эти действия прямо не предусмотрены в уголовном законе, то решать такие проблемы недопустимо путем изменения норм-принципов в Общей части Уголовного кодекса, что предлагают вышеуказанные авторы. В отдельных случаях выход из ситуации видится в корректировке норм Особенной части Уголовного кодекса путем криминализации таких действий.

Например, когда статья 234 "Лжепредпринимательство" УК Республики Беларусь в ее прежней редакции (2006 года) не позволяла привлекать к уголовной ответственности лиц, совершавших описанные в ней деяния с привлечением так называемых подставных лиц, было инициировано предложение о криминализации этих действий путем изложения в новой редакции статьи 234 УК Республики Беларусь.

Это предложение было реализовано в Законе Республики Беларусь от 05.01.2015 N 241-З "О внесении дополнений и изменений в Уголовный,

Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях" (далее - Закон N 241-3), который вступил в силу с 28 января 2015 г. При этом разработчики проекта Закона N 241-3 отчасти воспользовались опытом криминализации лжепредпринимательства с использованием подставных лиц в Российской Федерации: путем принятия Федерального закона от 07.12.2011 N 419-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" Уголовный кодекс был дополнен статьей 173.1, предусматривающей уголовную ответственность за образование (создание, реорганизацию) юридического лица через подставных лиц [30, ст. 1].

В статье 234 УК Республики Беларусь в редакции Закона N 241-3 предусмотрено введение уголовной ответственности за действия кукловодов, выражающиеся в создании или приобретении юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица) на имя подставного лица, под которым понимаются:

1) лицо, на имя которого государственная регистрация индивидуального предпринимателя, создание или приобретение юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица) были произведены БЕЗ ЕГО ВЕДОМА И СОГЛАСИЯ (*выделено нами. - Авт.*);

2) лицо, которое зарегистрировалось в качестве индивидуального предпринимателя, создало или приобрело юридическое лицо (долю в уставном фонде юридического лица), БУДУЧИ ВВЕДЕННЫМ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ (*выделено нами. - Авт.*) - государственной регистрации индивидуального предпринимателя либо создания или приобретения юридического лица (доли в уставном фонде юридического лица).

Когда правоприменительная практика Республики Беларусь столкнулась с неединичными случаями распоряжения денежными счетами организации лицами, не имеющими соответствующих полномочий (например, с использованием современных возможностей управления банковскими счетами организации при посредстве ключей электронной цифровой подписи), возникла проблема пресечения таких действий, нередко связанных с причинением существенного ущерба бюджету, организациям, иным субъектам права. Однако арсенал средств, который предоставлял уголовный закон, не позволял решать эту проблему. Поэтому Законом N 241-3 УК Республики Беларусь был дополнен статьей 234¹, которая предусматривает уголовную ответственность за совершенные после 27 января 2015 г. действия по распоряжению денежными средствами в крупном размере (в 1000 и более раз превышающем размер базовой величины, установленный на день совершения преступления), находящимися на текущем (расчетном) банковском счете (счетах) юридического лица или индивидуального предпринимателя, совершенные в течение года после наложения

административного взыскания за такое же нарушение (статья 11.81 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) лицом, не наделенным полномочиями по распоряжению денежными средствами в установленном законодательством порядке, при отсутствии признаков иного более тяжкого преступления.

Необходимость введения уголовной ответственности фактических руководителей организации, приобретая все большую актуальность, ведет к появлению новых проектов законов, направленных на реализацию этой идеи. При этом в таких законопроектах ставится и решается задача не введения в Особенную часть Уголовного кодекса специальных норм или специальных предписаний по привлечению к уголовной ответственности фактических руководителей в той или иной ситуации, а формулируются предложения о введении уголовной ответственности фактических руководителей вне зависимости от сферы и вида деятельности организации. Так, например, сообщается о проекте федерального закона, разработанного Следственным комитетом Российской Федерации, в котором предусмотрено введение уголовной ответственности такого специального субъекта, как лицо, осуществляющее в юридическом лице фактическое руководство. К этой категории предлагается относить лиц, которые хотя и не занимают должность в юридическом лице и не действуют от его имени на основании доверенности, однако фактически определяют решения юридического лица. Утверждается, что такое законодательное решение сделает невозможным уклонение от ответственности организаций, практикующих схемы номинального руководства [31, с. 90].

Заключение

1. Нормы о посредственном исполнении преступления как институте уголовного права, как представляется, применимы только для случаев совершения преступлений с общим субъектом.

2. В уголовном законе вполне допустимо использование законодательного опыта других государств по расширению круга специальных субъектов преступлений, совершаемых в рамках представительства юридического или физического лица. Соответствующие законодательные новеллы могут быть включены в статью Общей части УК Республики Беларусь, регламентирующую правовой статус исполнителя преступления, не затрагивая институт посредственного исполнения преступления.

3. Практика применения тех или иных статей Особенной части УК Республики Беларусь о преступлениях со специальным субъектом, показавшая их неадекватность реальной действительности (описанные в этих статьях деяния достаточно часто могут совершаться общими субъектами), полагаем, обязывает законодателя рассмотреть и решить вопрос об их корректировке путем замены специального субъекта преступления общим.

Список использованных источников

1. Шишко, И.В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности / И.В.Шишко. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - 307 с.
2. Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А.Клепицкий. - М.: Статут, 2005. - 572 с.
3. Есаков, Г.А. Уголовно-правовое воздействие и юридические лица / Г.А.Есаков // Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И.Рарога. - М.: Проспект, 2012. - С. 252 - 284.
4. Хилюта, В.В. Уклонение от уплаты налогов: кто несет ответственность? / В.В.Хилюта // Промышленно-торговое право. - 2013. - N 3. - С. 48 - 49.
5. Хилюта, В.В. Субъекты налоговых преступлений (по состоянию на 18.11.2013) [Электронный ресурс] / В.В.Хилюта // ИБ "КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск". - Минск: ООО "ЮрСпектр", 2014.
6. Лукашов, А.И. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты сумм налоговых платежей (часть 1) (по состоянию на 09.01.2014) [Электронный ресурс] / А.И.Лукашов // ИБ "КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск". - Минск: ООО "ЮрСпектр", 2014.
7. Денисюк, М.Е. Опосредованное (посредственное) исполнение преступлений со специальным субъектом / М.Е.Денисюк // Промышленно-торговое право. - 2014. - N 7. - С. 83 - 86.
8. Лукашов, А.И. Посредственный исполнитель преступления со специальным субъектом: к вопросу о ломке концептуальных основ уголовного права / А.И.Лукашов, Э.А.Саркисова // Юстиция Беларуси. - 2014. - N 9. - С. 10 - 16.
9. Никулин, С.И. Виды соучастников преступления / С.И.Никулин // Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении. - СПб.: Издание профессора Малинина - СПб ГКА, 2007. - С. 123 - 189.
10. Осокин, Р. Посредственное исполнение / Р.Осокин, А.Курсаев // Уголовное право. - 2011. - N 2. - С. 64 - 68.
11. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2013. - N 9.
12. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2007. - N 3.
13. Лукашов, А. Бухгалтер как субъект уклонения от уплаты налогов / А.Лукашов // Экономическая газета. Информбанк. - 2010. - N 36. - С. 15 - 19.
14. Дудоров, О.О. Ухилення від сплати податків: кримінально-правові аспекти: монографія. - К.: Істина, 2006. - 648 с.
15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.06.2011 N 852-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лясниковой Гульнисы Омаровны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия. - М.: ЗАО "КонсультантПлюс", 2015.

16. Браусов, А.М. Комментарий "Производство заведомо незаконного обыска (статья 398 Уголовного кодекса Республики Беларусь)" [Электронный ресурс] / А.М.Браусов // ИБ "КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск". – Минск: ООО "ЮрСпектр", 2014.
17. Уголовный кодекс ФРГ: пер. с нем. - М.: ИКД "Зерцало-М", 2001. - 208 с.
18. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступит. статья А.И.Лукашова и Э.А.Саркисовой. - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2001. - 313 с.
19. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф.Кузнецовой и Ф.М.Решетникова. - М.: Издательство "Зерцало", 1998. - 218 с.
20. Аветисян, С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: монография / С.С.Аветисян. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. - 463 с.
21. Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / А.В.Корнеева; под ред. А.И.Парога. - М.: ТК Велби, изд-во "Проспект", 2006. - 176 с.
22. Павлов, В.Г. Субъект преступления / В.Г.Павлов // Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. - СПб.: Издание профессора Малинина - СПб ГКА, 2005. - С. 503 - 628.
23. Павлов, В.Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом / В.Г.Павлов. - СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2011. - 374 с.
24. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б.В.Волженкин. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - 641 с.
25. Баранков Н.В. Посредственное исполнение преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.В.Баранков; МВД России. Санкт-Петербургский ун-т. - СПб., 2001. - 20 с.
26. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н.Кудрявцев. - М.: Юридическая литература, 1972. - 352 с.
27. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. - 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н.Кудрявцев. - М.: Юристь, 2007. - 304 с.
28. Тер-Акопов, А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А.Тер-Акопов. - М.: ЮРКНИГА, 2003. - 480 с.
29. Аветисян, С.С. Соучастие в преступлениях со специальным субъектом / С.С.Аветисян // Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении. - СПб.: Издание профессора Малинина - СПб ГКА, 2007. - С. 328 - 482.
30. Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. - Дата доступа: 29.10.2014.
31. Сапрунов, А.Г. К вопросу о возможном введении в уголовное законодательство России ответственности лиц, осуществляющих в

юридическом лице фактическое руководство / А.Г.Сапрунов // Общество и право. - 2014. - N 4 (50). - С. 88 - 90.